

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УМ И СЕРДЦЕ ГЕРОЕВ В РАННЕМ РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЧЕСТНЫЙ ВОР»

В КОНТЕКСТЕ СВЯТООТЕЧЕСКОГО УЧЕНИЯ
О БОРЬБЕ С ПОМЫСЛАМИ

Пётр Максимович Максимов

бакалавр богословия
методист кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
p.max37@yandex.ru

Для цитирования: Максимов П. М. Ум и сердце героев в раннем рассказе Ф. М. Достоевского «Честный вор» в контексте святоотеческого учения о борьбе с помыслами // Богословский вестник. 2024. № 2 (53). С. 202–235. DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.009

Аннотация

УДК 2-584.7 (82.091)

В статье рассматриваются особенности художественного изображения рациональной и эмоциональной природ человеческой личности (именуемых в святоотеческом аскетическом богословии «умом» и «сердцем») в рассказе Ф. М. Достоевского «Честный вор». В исследовании выявляется соотнесённость духовного мира героев рассказа, их сокровенной сердечной жизни и мысленной брани с учением святых отцов о борьбе с помыслами, а также обобщаются исследования по данной теме. Методами исследования выступают: биографический, историко-хронологический, филологический, богословский. В статье показано, что Достоевский подчёркивает трагическую роль зла, которое, пребывая в человеке мысленно и чувственно, приводит его к гибели. Также в работе высказана гипотеза о том, что в ранней версии рассказа, а именно в его концовке (так называемом «ндравоучении» рассказчика Астафия Ивановича), кратко изложены основы мировоззрения Ф. М. Достоевского, которые находят выражение в его дальнейшем творчестве, в частности в романах «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: ум и сердце, православие, святоотеческое наследие, невидимая брань, творчество Ф. М. Достоевского.

The Mind and Heart of Heroes in an Early Story by F. M. Dostoevsky «An Honest Thief» in the Context of the Patristic Teaching on the Struggle Against Thoughts

Petr M. Maksimov

Bachelor of Theology

Methodologist of the Department of Philology of the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

p.max37@yandex.ru

For citation: Maksimov, Petr M. "The Mind and Heart of Heroes in an Early Story by F. M. Dostoevsky 'An Honest Thief' in the Context of the Patristic Teaching on the Struggle Against Thoughts". *Theological Herald*, no. 2 (53), 2024, pp. 202–235 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.009

Abstract. The article examines the features of the artistic depiction of the rational and emotional natures of the human personality (referred to in patristic ascetic theology as «mind» and «heart»). The study reveals the correlation of the spiritual world of the heroes of the story, their innermost heart life and mental warfare with the teaching of the holy fathers on the struggle against thoughts, and also summarizes research on this topic. The research methods are: biographical, historical-chronological, philological, theological. The article shows that F. M. Dostoevsky emphasizes the tragic role of the mental and sensual presence of evil in a person, which led to his death. The paper also hypothesizes that in the early version of the story, namely in its ending (the so-called «moral admonition» of the narrator Astafy Ivanovich), the basics of F. M. Dostoevsky's worldview are briefly outlined, which find expression in his further work, in particular in the novels «Idiot», «Crime and Punishment», «The Brothers Karamazov».

Keywords: Mind and heart, patristic heritage, invisible warfare, Orthodoxy, the work of F. M. Dostoevsky.

Введение

«Любой исследователь, пытающийся вскрыть религиозное содержание творчества Достоевского, неизбежно приходит к выводу, что избранная им сфера ничуть не уступает по масштабам всему миру писателя, запечатленному в его творчестве»¹, — писал известный немецкий философ и богослов итальянского происхождения Романо Гвардини (*итал.* Romano Michele Antonio Maria Guardini).

«Нельзя найти ни одного сколько-нибудь значительного персонажа, ни одного эпизода, занимающего важное место в структуре повествования, который не играл бы существенной роли в религиозном отношении, будь то прямо или косвенно»².

Можно проследить, что Фёдор Михайлович в литературном творчестве ставит и ищет решение не только и не столько общественных, философских и психологических вопросов своего века, сколько вечных духовных вопросов бытия человека, — вероятно, именно это и хотел подчеркнуть Р. Гвардини в своём высказывании. Благодаря поиску решения этих «проклятых вопросов»³, или вечных проблем, наследие Фёдора Михайловича весьма актуально до сих пор, спустя двести лет со дня его рождения.

«Одной из таковых является проблема соотношения “рационального” и “эмоционального”, то есть на языке литературы, наследующей традиции христианской антропологии, проблема соотношения “ума” и “сердца”»⁴.

1. Ум и сердце в евангельском и святоотеческом аскетическом наследии

В евангельском и святоотеческом аскетическом наследии тема человеческих ума и сердца весьма хорошо освещена и является ключевой

1 *Guardini R.* Der Mensch und der Glaube: Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs grossen Romanen. Leipzig: J. Hegner, 1933. Рус. пер.: *Гвардини Р.* Человек и вера. Брюссель, 1994. С. 5.

2 Там же.

3 *Осинов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие // О войне и мире, о прогрессе и Достоевском. Избранные статьи. Москва, 2014. С. 36.

4 *Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. Санкт-Петербург, 1994. С. 270.

в вопросе борьбы со страстями. Борясь со злом внутри себя самого, трудолюбивый и внимательный подвижник постепенно достигает смирения, чистоты и начала благодатного освящения. Без борьбы со злом в самом себе (в уме и сердце) невозможно очищать душу и приобщаться благодати освящения.

«Ужели кто свят, [— восклицает прп. Макарий Великий, —] не очистив внутреннего человека? Ибо очищение есть не одно воздержание от худых дел, но приобретение совершенной чистоты, чистоты в совести. Напряги, человек, помыслы свои, и войди к этому пленнику и рабу греха — уму твоему, и рассмотри этого на самом дне твоего ума, во глубине помыслов, в так называемых тайниках души твоей пресмыкающегося и гнездящегося змия, который убил тебя, поразив главнейшие члены души твоей, потому что сердце есть необъятная бездна. И если убьешь сего змия, то хвались чистотою пред Богом. А если нет, то, смирившись, как нуждающийся и грешный, умоляй Бога о тайных твоих»⁵.

Таким образом, сначала борьба за очищение, а затем уже хранение чистоты, освящение и всегда смирение.

Согласно мнению известного православного богослова и литургиста Г. И. Шиманского, само понятие «сердце» в его духовном смысле было известно людям с давних пор:

«С древности среди многих народов (у римлян, греков, евреев и др.) слово “сердце” означало не только физиологический орган, но также и душу, настроение, взгляд, мысль, убеждение <...> люди давно оценили роль сердца в жизни человека как органа чувств, при этом чрезвычайно тонкого и универсального»⁶.

В Священном Писании сердце — это ещё и «важнейший орган познания и восприятия окружающего мира»⁷. Но этот орган познания, вследствие грехопадения первых людей, далеко не всегда верно передаёт внутреннее «состояние и [часто] направляет силы души не в должную сторону»⁸. Как говорил прп. Авва Дорофей,

5 *Ps-Macarius. Opusculum 1 (= De custodia cordis) 1 // PG. 34. Col. 821:28, 824A:1–12.* Рус. пер.: *Макарий Великий, прп.* Слово 1. О хранении сердца 1 // *Он же.* Духовные беседы, послания и слова. Москва, 2004. С. 2.

6 *Шиманский Г. И.* Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. Санкт-Петербург, 2017. С. 434.

7 Там же. С. 435.

8 Там же. С. 439.

«будучи страстными, мы отнюдь не должны веровать своему сердцу, ибо кривое правило и прямое кривит»⁹,

«[сердце необходимо] содержать под контролем и повергать все его чувства, вкусы и влечения строгой критике»¹⁰ — подчёркивает Г. И. Шиманский.

Исходя из этого, восточными святыми отцами было разработано «учение о единении ума с сердцем».

«Без сердца, средоточия всей деятельности человека, ум бессилён. Без ума сердце слепо, лишено руководства. Поэтому надо находить гармоническое соотношение между умом и сердцем, чтобы строить человеческую личность в благодати...»¹¹.

«“Ум” самотождествен только в гармонии с “сердцем”, в согласии с ним»¹².

Поскольку сердце как «центр телесной и духовной жизни»¹³ далеко не всегда состоит в симфонии с умом, то на протяжении всего земного пути человека в его уме и сердце развёртывается духовное противостояние между добром и злом, которое в случае победы последнего переходит в физическое измерение, материализуется, как пишет Г. И. Шиманский:

«Всё порочное, кроющееся в сердце, исходит из него и проявляется вовне в делах греховных»¹⁴.

Сам Господь сказал об этом:

- 9 *Dorotheus Gazaesus. Sententiae 202, 2:4–6 // SC. 92. P. 526. Рус. пер.: Дорофей Газский, прп. Поучение 19. Различные краткие изречения // Ава Дорофей, прп. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Москва, 2015. С. 239.*
- 10 *Шиманский Г. И. Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. С. 439.*
- 11 *Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 227.*
- 12 *Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 276.*
- 13 *Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению: краткий очерк аскетике: начертание христианского нравоучения. Москва, 2008. С. 239.*
- 14 *Шиманский Г. И. Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. С. 446–447.*

«Извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство — все это извнутри исходит и оскверняет человека...» (Мк. 7, 21–23).

Ещё одно подтверждение этой истины, только более краткое, можно найти в другом месте Священного Писания:

«Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Лк. 6, 45).

Таким образом, вместе со св. прав. Иоанном Кронштадтским можно утверждать, что

*«характер всех дел человека определяется состоянием его сердца»*¹⁵.

Одним из самых эффективных средств ведения этого противостояния и отражения бесовских прилогов служит призывание имени Христова, то есть молитва. Через молитву и борьбу со злым началом в самом себе человек постепенно становится бесстрастным, его душа очищается от страстей. Согласно святоотеческому учению,

*«наряду с очищением сердца от страстей, второе и важнейшее делание христианского подвижничества состоит в том, чтобы внедрить в сердце добрые чувства и расположения, ибо “что есть на сердце, то есть пред Богом”¹⁶»*¹⁷.

В этом состоит важное условие приближения к Богу, причастности Его Божественной благодати. Без этой борьбы, по слову Писания, невозможно соединение с Богом:

«В лукавую душу не войдет премудрость и не будет обитать в теле, порабощенном греху» (Прем. 1, 4).

Бесстрастие не означает бесчувственности; напротив, в очищенную душу и сердце затем, как пишет ап. Павел, вселяется благодать Святого Духа:

15 Ср.: *Сергиев И., прав.* Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1892. С. 141. Цит. по: *Шиманский Г. И.* Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. С. 444.

16 *Феофан, еп.* Начертание христианского нравоучения. Москва, 1895. С. 319. [Приводится в современной орфографии.]

17 *Шиманский Г. И.* Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. С. 450.

«Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым» (Рим. 5, 5).

Это благодатное состояние, рождающееся в душе человека, сравнивается Самим Господом с природой солнечного света, который светит на всех людей без исключения:

«Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45),

а согласно апостолу Любви:

«Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2, 10–11).

Обобщая изложенное здесь евангельское и святоотеческое учение о борьбе человека со злом в самом себе, нужно отметить, что жизнь ума и сердца — категория метафизической реальности человеческого бытия, в которой действуют соответствующие духовные законы, чем-то, кстати, напоминающие естественные законы природы:

«Наличие устойчивых взаимосвязей в природе очевидно, <...> у этих физических законов есть братья-близнецы, такие же совершенные и гармонические духовные законы. <...> А так как человек существо не только телесно-материальное, но и духовное, ему приходится иметь дело с обоими видами закономерностей, во многом, кстати, совпадающими»¹⁸.

Действие этих законов в центре человеческого существа — в сердце — ниже будет прослежено в рассказе «Честный вор».

2. Проблема ума и сердца в творчестве Ф. М. Достоевского

Проблема ума и сердца занимает важное или даже центральное место в творчестве Ф. М. Достоевского в целом. Как отмечает известный литературовед профессор А. М. Буланов, неоднократно обращавшийся к данной проблематике в научных трудах,

18   *Белый К., свящ.* «Попасть в Сретенку» и другие рассказы. Москва, 2021. С. 46.

«тайна человека», которую писатель разгадывал на протяжении всей жизни, заключала в себе тайну соотношения человеческих ума и сердца»¹⁹.

Уже в ранней юности, как пишет профессор А. М. Буланов, вопросы духовного состояния и взаимодействия ума и сердца волновали юного писателя:

«Выявленность данной проблематики, осознанность её подтверждается размышлениями писателя над ней, следы которых находим в письмах, записных книжках, «Дневнике писателя»»²⁰.

Действительно, в письме брату Михаилу от 31 октября 1838 г. семнадцатилетний Фёдор уже рассуждает о познании умом и сердцем:

«...чтоб больше *знать*, надо меньше *чувствовать*, и обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом *знать*? Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились в сфере той мысли, над которою носится душа наша, когда хочет разгадать ее. Мы же прах, люди должны разгадывать, но не могут обнять вдруг мысль. Проводник мысли сквозь брэнную оболочку в состав души есть ум — способность материальная... душа же, или дух, живет мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным... Притом <...> ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от *чувства*, след<овательно>, от *сердца*. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле *сердцу*...»²¹.

Естественно, что данные воззрения великого писателя отразились и в его раннем художественном творчестве. В широком контексте творчества Ф. М. Достоевского, человеческое сердце, взаимодействуя с умом (рассудком), выступает «полем битвы»²² человека и Бога против inferнальных демонических сил.

Интересное определение ума и сердца в творческом наследии Ф. М. Достоевского (с позиции православного святоотеческого учения)

19 Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 270.

20 Там же.

21 Достоевский Ф. М. [22.] М. М. Достоевскому 31 октября 1838. Петербург // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 53–54.

22 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы III, 4 // ПСС. 1976. Т. 14. С. 100:20–21: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

даёт А. М. Буланов. В одной из своих статей, посвящённых творчеству Ф. М. Достоевского, он цитирует прп. Исаака Сирина и подчёркивает, что ум «есть одно из душевных чувств»²³, а сердце — «категория, постоянно употребляемая Ф. М. Достоевским для обозначения душевной природы человека»²⁴.

Можно задаться вопросом: что повлияло на становление такого понимания ума и сердца Фёдором Достоевским, бывшим социалистом и участником запрещённого кружка петрашевцев? Прежде всего, как пишет профессор Московской духовной академии А. И. Осипов:

«*маленькая книга*²⁵ — Евангелие, которое он так любил и читал до самой смерти, — открыла ему тайну человека, открыла, что человек не обезьяна, и не святой ангел, и не *tabula rasa*²⁶, но образ Божий, который по своей изначальной богозданной природе добр, чист и прекрасен, однако в силу отступления от Источника жизни глубоко исказился, и земля сердца его стала порождать *терния и волчцы* (Быт. 3, 18). Поэтому состояние человека, которое называется теперь естественным, в действительности — больное, искажённое, в нём одновременно присутствуют и перемешаны между собой семена добра и плевелы (сорняки) зла»²⁷.

А вот что сам Фёдор Достоевский говорит о своём знакомстве со Священным Писанием в детстве:

«Я происходил из семейства русского и благочестивого. <...> Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства»²⁸.

А затем и в зрелом возрасте, в том числе (и особенно!) в условиях сибирской ссылки:

«в Тобольске <...> жены декабристов <...> благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная

23 *Isaacius Syrus. Orationes asceticæ* 83, 16: «*νοῦς μία ἐστὶ τῶν τῆς ψυχῆς αἰσθησέων*». Рус. пер.: *Исаак Сирин, прп.* Слово 4. О душе, о страстях и о чистоте ума, в вопросах и ответах // *Он же.* Слова подвижнические. Сергиев Посад, 2008. (Сокровищница святоотеческой письменности). С. 46.

24 *Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 272.

25 Курсив А. И. Осипова.

26 «Чистая доска» лат.

27 *Осипов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие. С. 43–44.

28 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 г. // ПСС. 1980. Т. 21. С. 134:13–16.

книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим»²⁹.

Факты из жизни писателя, его письма и творческое наследие, в котором рельефно отражено православное мировоззрение Фёдора Михайловича, позволяют исследователям сказать:

«сегодня бесспорным фактом является то, что Достоевский был православным христианином, жившим полной церковной жизнью»³⁰,

«[был] одним из тех немногих писателей, которые в свете именно этой *Маленькой книги*³¹ [Евангелия. — П. М.], и не в ключе так называемого реализма, часто граничащего с натурализмом, с потрясающей глубиной показали обнажённое сердце человека»³².

Однако ум и сердце суть понятия всеобщие, всечеловеческие, и изображение рациональной и эмоциональной деятельности человека свойственно всем писателям и литературам народов мира, поэтому, помимо Священного Писания, читаемого Ф. Достоевским с детства в течение всей жизни, следует отметить ряд художественных и мировоззренческих концепций, которые могли повлиять на понимание и последующее художественное изображение писателем ума и сердца своих героев. Речь о литературных художественных направлениях, которые господствовали в предшествующие Ф. М. Достоевскому периоды. Например, классицизм с его «центральной эстетической категорией — разумом»³³, а также сентиментализм, предполагающий, что главный герой — человек чувствительный. Данным понятием сентиментализм обязан Н. М. Карамзину, который много писал о чувствительном человеке.

«[Такой человек] прекрасен <...> строем своего сердца, богатой внутренней жизнью, нравственными качествами»³⁴.

Сентиментализм имеет отражение в раннем творчестве великого писателя (роман «Бедные люди», повесть «Слабое сердце», сентиментальный роман «Белые ночи»). И ещё, конечно, романтизм, в котором

29 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 г. С. 12:[25–26, 33–35].

30 *Сыромятников О. И.* Ф. М. Достоевский о войне и мире // БВ. 2022. № 3 (46). С. 261.

31 Курсив А. И. Осипова.

32 *Осипов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие. С. 41.

33 *Макаров Д. В.* Идеал человека в русской литературе (от Древней Руси до XX века): христианский контекст. Москва, 2013. С. 48.

34 Там же. С. 49.

«на первом плане уже не разумность и не чувствительность, а прежде всего свобода человека: “Требование свободы в воспроизведении <...> жизни присутствует почти во всех романтических манифестах (у братьев А. и Ф. Шлегелей в Германии, у У. Вордсворта и Д. Байрона в Англии, у В. Гюго во Франции, у Э. По в США)”³⁵»³⁶.

Всё это тоже, так или иначе, оказало влияние на литературное наследие Ф. М. Достоевского, особенно на его ранние произведения.

3. О рассказе Ф. М. Достоевского «Честный вор»

Данное произведение — одно из самых ранних в творчестве Ф. М. Достоевского. Исследование опирается на последнюю авторскую редакцию 1865 г. с обращением и к более ранним редакциям, например, 1860 г., а особенно к первой публикации рассказа.

Рассказ был впервые напечатан в 4-м номере журнала «Отечественные записки» за 1848 г. под заглавием «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного). I. Отставной. II. Честный вор» и с подписью: «Ф. Достоевский». Цензурное разрешение было получено 31 марта 1848 г.³⁷ Произведение в его теперешнем виде выстроено по принципу «рассказ в рассказе», а до этого входило в трилогию «Рассказы бывалого человека» как её последнее произведение. Но в 1848 г. в журнале «Отечественные записки» были напечатаны только два рассказа: «Отставной» и «Честный вор». Фёдор Михайлович, находясь в Твери, пишет брату 1 октября 1859 г.:

«Вот что я придумал: во-1-х издать не вдруг, а книгу за книгой. Всего три книги»³⁸.

Впоследствии, переиздавая в 1860 г. свои ранние произведения, Ф. М. Достоевский (определённо, не без причины) существенно переработал рассказ, добавив краткую вступительную историю Астафия

35 Карташова И. В., Семенов Л. Е. Романтизм и христианство // Русская литература XIX века и христианство. Москва, 1997. С. 109–110.

36 Макаров Д. В. Идеал человека в русской литературе (от Древней Руси до XX века): христианский контекст. С. 50.

37 См.: Достоевский Ф. М. Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. 2014. Т. 2. С. 659.

38 Достоевский Ф. М. [155.] М. М. Достоевскому 1 октября 1859. Тверь // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 339–340.

Ивановича о появлении в его одинокой квартире жильца Емели³⁹, героя рассказа. Также, вместе с этим рассказ претерпел значительное сокращение: писатель вычеркнул предысторию жизни самого Астафия Ивановича (очерк «Отставной»), а также важнейший для понимания произведения нравоучительный финал, о котором будет ещё сказано чуть позже. Возможно, мотивом к такой переработке рассказа было то, что П. В. Анненков, критик, рецензировавший данный рассказ, вынес о нём соответствующие замечания. П. В. Анненков писал об очерке «Отставной» как о «совершенно незначущем»⁴⁰. Комментируя «ндрвоучение», критик отмечал:

«в нем недостает главного: нравственного достоинства, так необходимого человеку, который повествует о собственном великодушии... [Добавляя, что] Здесь уже чисто-начисто стоит сам автор; портной нисколько не повинен в этой пышной риторической речи, старающейся подделаться под народный говор»⁴¹.

Можно предположить, что Ф. М. Достоевский также не хочет высказывать свою позицию⁴² в рассказе, как того требуют законы позднего романтизма. В 1860 г. текст произведения вновь был подвергнут стилистической обработке⁴³.

Рассказ привлекает внимание и современных исследователей. Так, к нему обращалась научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Т. Г. Магирил-Ильява⁴⁴. В её работе анализируется, как Ф. М. Достоевский с помощью эпитетов, символики оконного проёма и значения имён показывает отношение героя-рассказчика к Емеле и раскрывает предназначение героев. По мнению исследователя, в данном произведении

«Достоевский показывает, что каждый, даже самый маленький, человек может быть вместилищем Святого Духа; принимая его, человек

39 Возможно, имя персонажа было навеяно народной пословицей «мели Емеля – твоя неделя» и/или сказкой «По щучьему велению».

40 *Анненков П. В.* Заметки о русской литературе 1848 года // Современник: литературный, общественный и политический журнал, изданный Н. А. Некрасовым. Санкт-Петербург, 1849. № 1. Т. 13. Отд. III. С. 4.

41 Там же. С. 5–6.

42 А как было видно выше, критика упрекает его в высказывании этой позиции.

43 См.: *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. 2014. Т. 2. С. 660.

44 *Магирил-Ильява Т. Г.* Честный вор: кто живёт на окне? // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 70–76.

запускает реакцию принятия. Единичный маленький поступок может иметь действительно значимые последствия»⁴⁵.

Также интерес к рассказу проявил молодой исследователь Д. А. Левенец. В своей статье⁴⁶ он провёл лингвистический анализ рассказа, проследил особенности мотива «маленького человека». Также к произведению обращались Н. А. Качалина и В. В. Сайченко⁴⁷. В совместном исследовании они анализируют особенности жанра этого произведения. Авторы сопоставляют рассказ с жанром притчи. Соответственно, и идея рассказа «Честный вор» толкуется именно через жанр притчи.

Темы и содержание исследований чаще всего касаются изучения средств художественной выразительности, особенностей символики и этимологии имён собственных в этом рассказе, а непосредственно темы ума и сердца никто ещё не касался. Даже к ранней редакции рассказа 1848 г. обращения исследователей крайне редки, за исключением исследования Стефано Капилупи «Концепции первородного греха на Западе и Востоке»⁴⁸. Вполне можно предположить, что рассмотрение умственной и сердечной жизни героев раннего Достоевского, проводимое в контексте святоотеческого учения о мысленной брани, может раскрыть новые дополнительные смыслы как отдельного рассказа Ф. М. Достоевского «Честный вор», так и значительной части его ранней прозы.

4. Значение имён героев

Многие писатели выбирают героям такие имена, которые помогают понять смысл произведения, как справедливо замечает Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева:

- 45 *Магарил-Ильяева Т. Г.* Честный вор: кто живёт на окне? // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 76.
- 46 *Левенец Д. А.* Образ маленького человека в рассказе Ф. М. Достоевского «Честный вор» и средства его языкового маркирования // Слово и текст: теория и практика коммуникации. Армавир, 2019. С. 94–98.
- 47 *Качалина Н. А.* Притчевая структура рассказа «Честный вор» Ф. М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2019 года. Краснодар, 2019. С. 248–251.
- 48 *Капилупи С.* Концепция первородного греха на Западе и Востоке // Вестник РХГА. 2011. № 2 (12). С. 150–159.

«Значения имён для Достоевского очень важны. В рассказе “Честный вор” автор ясно показал, что неслучайно даёт герою то или иное имя...»⁴⁹.

Например, имя Аграфена (*лат.* Agrippina) в переводе с латинского означает «горестная». И в рассказе Ф. М. Достоевского героиня с данным именем производит соответствующее впечатление. Аграфена — «женщина бессловесная, не в состоянии установиться на какой-либо ей принадлежащей мысли»⁵⁰, то есть её воля всегда без промедления направлена на осуществление сиюминутных дел. Она упорно настаивает на том, чтобы «отдать каморку в наём»⁵¹, а «что Аграфене в голову пришло, тому должно было сделаться...»⁵², ведь «отказать ей в исполнении — (значит) на несколько времени морально убить её»⁵³.

Говорящие имена в рассказе не только у одной Аграфены. Также немаловажно имя ключевого персонажа — Астафия Ивановича.

«Астафий происходит от Евстафий, что значит “твёрдо стоящий”, Иван (Иоанн) — “благодать Божия”. На удивление именно так, “благодать Божия”, автор записок и называет совершенно неожиданно навязанного ему “нахлебника”»⁵⁴.

Имя другого героя, Емеля (от *лат.* aemulus), в переводе с латинского языка обозначает «соперник», «участник соревнования», либо с греческого — «льстивый», что, возможно, больше подходит герою рассказа. Отчество Емели — Ильич.

«Имя Илья отсылает к пророку Илии, одним из основных деяний которого была борьба с лжебогами, воплощёнными в статуях и деревьях. То есть людям было необходимо воплотить своих идолов в твёрдой оболочке, чтобы иметь возможность поклоняться им, в отличие от Господа, изображение которого в Ветхом Завете было невозможно. Собственно, Емеля борется с этой твёрдостью Астафия Ивановича»⁵⁵.

49 Магарил-Ильева Т. Г. Честный вор: кто живёт на окне? // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 73.

50 Достоевский Ф. М. Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 158.

51 Там же. С. 157.

52 Там же. С. 158.

53 Там же.

54 Магарил-Ильева Т. Г. Честный вор: кто живёт на окне? С. 73.

55 Там же. С. 74.

Сам хозяин дома — персонаж несколько иного склада. Имя этого господина неизвестно, поэтому, собственно, он и является автором «Записок неизвестного». Исходя из его собственных слов, он — человек замкнутый, проживший более десяти лет «уединённо, совсем затворником. Знакомых [у него] почти никого <...> привык к уединению»⁵⁶. Исходя из его образа жизни, можно предположить, что в его миропонимании доминирует желание жить в себе и, возможно, для себя.

5. Образы ума и сердца. Движения различных душевных чувств во внутреннем мире героев рассказа

По сюжету рассказа разворачиваются важные события, герои предпринимают различные действия (или высказываются различным образом), которые оказывают влияние на ум и сердце персонажей. В свою очередь, и внутренняя жизнь героев, а именно деятельность их ума и сердца, влекущая за собой соответствующие слова и поступки, оказывают влияние на окружающих. Первая часть рассказа начинается диалогом хозяина и кухарки Аграфены о сдаче внаём каморки около кухни для жильца. Владелец дома, после относительно недолгого разговора с кухаркой (возможно, не по хлебосольскому гостеприимству, а «более по любви к собственному спокойствию»⁵⁷) соглашается на её предложение. Можно заметить, что этот человек в отношении к окружающим действует преимущественно своим умом, рационально предполагая, что

«...десять, пятнадцать лет, а может быть, и более такого же уединения, с такой же Аграфеной, в той же холостой квартире — конечно, довольно бесцветная перспектива! И потому лишний смирный человек при таком порядке вещей — благодать небесная!»⁵⁸

Да и в противном случае Аграфена, «когда что-нибудь было не по ней»⁵⁹, обычно «впадала в глубокую меланхолию, и такое состояние продолжалось недели две или три. В это время [в доме] происходило много неприятностей»⁶⁰, поэтому неизвестный хозяин немедленно соглашается на приём жильца. Далее, несколько позже, происходит

56 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 158.

57 Там же.

58 Там же.

59 Там же.

60 Там же. С. 158.

кража бекеша владельца дома, что произвело сильное впечатление на всех обитателей жилища, а более всего на одного жильца:

«Астафия Ивановича всё это так поразило <...> он опомниться не мог»⁶¹.

Астафий Иванович, отставной солдат и портной, снимающий угол у хозяина, человек «из бывалых людей»⁶², в связи с этим досадным происшествием (кражей бекеша посреди бела дня) вспоминает случай из своей жизни и рассказывает о том, как однажды он приютил пьющего чиновника Емелю (того самого «честного вора»).

Сначала рассказчик выражает по отношению к Емеле некое пренебрежение: «...сошёлся со мной пропащий совсем человек... Такой недостойный!.. всё, что ни заведётся, пропьёт...»⁶³, но затем к этому чувству у Астафия Ивановича прибавляется сострадание: «...прогнать его жалко: такой жалкий, пропащий человек, что и Господи»⁶⁴. Однако Астафий как повествователь о своём благодеянии несчастному пропойце вызывает мало доверия у критики, в его словах есть «фальшивая нота»⁶⁵, «задушевного голоса в них не слышится»⁶⁶. Как писал ещё при жизни Ф. М. Достоевского русский литературный критик П. В. Анненков,

«самому портному, рассказывающему этот случай, мы должны отказать в нашем сочувствии. Он более походит на ритора, чем на простодушного рассказчика <...> Да, рассказ портного, — как поднял он в каком-то кабаке бедного Емелю, зашибенного винцом, прирзл его, — неверен и мало трогает нас»⁶⁷.

Далее из уст Астафия можно узнать, что после переезда на новое место (что было попыткой бегства от «Емелюшки») Астафий Иванович (рассказчик), видя каким-то чудесным образом нашедшего его на новой квартире Емелю сидящим в коридоре на сундуке, решает в себе: «Быть ему отцом-благодетелем»⁶⁸, то есть, говоря современным языком, «берёт шефство» над Емелей. В своём, в общем-то благородном, стремлении помочь Астафий Иванович руководствуется только умом,

61 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 159.

62 Там же. С. 158.

63 Там же. С. 160.

64 Там же.

65 *Анненков П. В.* Заметки о русской литературе 1848 года. С. 5.

66 Там же.

67 Там же.

68 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 161.

он действует логически, в то время как сердце его молчит, оно ещё словно спит, как писал П. В. Анненков:

«Старания портного возратить Емелю на путь истины <...> высказаны кудряво, но задушевного голоса в них не слышится»⁶⁹.

Одним умом без сердца невозможно достучаться до нравственного чувства человека, ибо без сердца «ум бессилён»⁷⁰. Когда ум не находится в единстве с сердцем, к нему примешивается эгоизм, и обратно «когда сердцем владеет самолюбие и его порождения, тогда сердце обычно склоняется в сторону удовлетворения всех самолюбивых и страстных намерений»⁷¹.

Здесь нужно ещё раз вспомнить золотую формулу св. прав. Иоанна Кронштадтского, точно выраженную Гермогеном Ивановичем Шиманским:

«Характер всех дел человека определяется состоянием его сердца»⁷².

Как видно из дальнейшего текста произведения, ни «добрые слова»⁷³ увещания, ни строгость не помогли «отучить [Емелю] знать чарочку»⁷⁴. Сам рассказчик восклицает в себе, видя это: «Ну что с таким человеком делать прикажете, сударь?»⁷⁵ Закономерно, что дальше внутреннее духовное состояние главного героя становится только хуже, в его сердце (а «сердце» может быть и злым, в нём может жить ненависть — начало разрушительное...»⁷⁶) всё сильнее развивается гневная страсть: «Зло меня такое взяло»⁷⁷. По мере того, как гнездящееся в сердце зло начинает проявляться в словах и поступках и тем тревожить совесть, начинает оживать и нравственное чувство:

69 Анненков П. В. Заметки о русской литературе 1848 года. С. 5.

70 Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 227.

71 Шиманский Г. И. Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. С. 442.

72 Ср.: Сергиев И., прав. Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 141. Цит. по: Шиманский Г. И. Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников Православной Церкви. С. 444.

73 Достоевский Ф. М. Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 162.

74 Там же. С. 161.

75 Там же. С. 163.

76 Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 277–278.

77 Достоевский Ф. М. Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 163.

«Словно ножом мне полоснуло по сердцу»⁷⁸.

Кульминацией гневного порыва портного стала кража его рейтуз неизвестным вором. Подозрение в краже, естественно, прежде всего падает на Емелю. С этого времени в сердце главного героя, Астафия Ивановича, на какое-то время наступает фаза ненависти по отношению к «пропащему человеку»⁷⁹:

«Я его с той поры, то есть на первых днях, возненавидел»⁸⁰.

Далее ненависть, укоренившись в сердце и развиваясь, находит отражение и в словах «отца-благодетеля»⁸¹. В один из вечеров Астафий, вернувшись со всенощной, видит пьяненького Емелю и обнаруживает пропажу рейтуз. Он с гневом задаёт прямой вопрос пьющему чиновнику:

«Да не ты ли, говорю, их просто украл у меня, как вор и мошенник, за мою хлеб-соль услужил?»⁸²

Следует также отметить, что в святоотеческих наставлениях родителям, учителям и пастырям говорится о том, что нельзя наказывать или ругать человека с гневом (испытывая к нему реальную ненависть), нужно подождать, когда гнев пройдёт, и только потом произносить строгие слова или приводить в действие какое-то другое наказание. В частности, любимый Ф. М. Достоевским свт. Тихон Задонский, обращаясь к начальствующим, пишет:

«Когда почувствуешь гнев в сердце твоём на подначального, то берегись во гневе и словом и делом наказывать, но пожди, пока гнев укротится. Понеже во гневе не можешь по-христиански наказывать, но много сделаешь непристойного и неприличного христианам, о чем хотя и будешь после жалеть, но уже не возвратишь, что сделано или сказано»⁸³.

Это и произошло с Астафием Ивановичем, который жалел о сказанном, но было уже поздно.

78 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 164.

79 Там же. С. 160.

80 Там же. С. 166.

81 Там же. С. 161.

82 Там же. С. 166.

83 Начальник [, когда гнев в сердце, отложи выговор и наказание] 5, 169 // *Иоанн (Маслов), схиархим.* Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. Москва, 2003. С. 594.

Следствием этих слов и такого внутреннего отношения (чувства ненависти) к «Емелюшке» стало то, что тот «остервенился совсем, опился»⁸⁴, стал бессловесным. На что сам Астафий замечает, что, наверное, тот «...известить себя как-нибудь хотел»⁸⁵. И тут-то рассказчик, испытывая тяжесть⁸⁶ на сердце, говорит о Емеле что ему «жалко... стало его»⁸⁷.

Ближе к концу рассказа, когда Емеля уже смертельно болен, Астафий произносит ещё более проникновенные слова: «Сердце по нем, забулдыге, разрывается: точно это я сына родного хороню»⁸⁸, или когда Емеля на смертном одре предлагает Астафию продать свою единственную одежду: «Вы продайте шинеленочку-то, как я помру, а меня в ней не хороните. Я и так полежу; а она вещь ценная, вам пригодиться может». На что герой-рассказчик произносит: «Тут у меня так, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя»⁸⁹. Здесь отчётливо слышно, что сердце героя уже не спит, оно ожило и буквально разрывается от жалости к ближнему, но сделать уже мало что может. «Да и вся вещь такая пустая, мизерная, что и слов не стоит... я-то бы много дал, если б у меня много было, чтоб только всего того не случилось»⁹⁰, — произносит Астафий Иванович. Заканчивается рассказ (и в авторской редакции 1860 г., и в итоговой версии 1865 г.) описанием кончины «честного вора» Емели.

Однако в первоначальной редакции, опубликованной в «Отечественных записках» за 1848 г.⁹¹, рассказ завершался «нравоучением»⁹² Астафия Ивановича, (нравоучительный, даже в каком-то смысле нравственно-богословский вывод). Впоследствии это окончание было изъято Фёдором Михайловичем по неизвестным пока причинам. Возможно, ранний Достоевский был очень зависим от мнения критиков: из-за указания критика, что «здесь уже чисто-начисто стоит сам автор»⁹³, Фёдор Михайлович (вероятно, также исходя и из по-

84 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 166.

85 Там же.

86 Там же.

87 Там же. С. 167.

88 Там же.

89 Там же.

90 Там же. С. 164.

91 *Достоевский Ф. М.* Честный вор [рассказ] // Отечественные записки. 1848. Апрель. № 4. Т. 57. Отд. I. С. 286–306.

92 Там же. С. 305–306. А также: *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 550–551.

93 *Анненков П. В.* Заметки о русской литературе 1848 года. С. 5–6.

ложений позднего романтизма) не хочет высказывать свою позицию в рассказе, в связи с чем и удаляет из произведения финальный вывод, в котором можно усмотреть выражение собственно авторского взгляда на грехи воровства и пьянства в частности и проблему человеческой греховности в целом.

«Так вот, сударь, это я вам для того теперь рассказал и ндравоучение, — если уж нужно, чтоб оно было тут, — для того вывожу, чтоб вы поняли, что если человек раз вошел в порок, как, примером сказать, Емеля в пьяную жизнь, так постыдное дело какое, хотя бы он прежде был и честный человек, для него уж возможным становится — то есть станет возможным помыслить об нем. А как у порочного человека воли не может быть мужественной, да и обсуждение-то не всегда здоровое, так он и совершит это постыдное дело, и мысль его нечистая тотчас делом становится. А коль совершит, да коль, несмотря на свою порочную жизнь, всё еще не загубил в себе всего человека, коли осталось в нем сердца хоть на сколько-нибудь, так оно тотчас нить примется, кровью обливаться начнет, раскаяние, как змея, его загрызет, и умрет человек не от постыдного дела, а с тоски, и потому что всё свое самое лучшее, что берег помимо всего и во имя чего человеком еще звался, за ничто загубил, как Емеля свою честность, что одна только и оставалась за ним, за полштофа глупой горькой сивухи. Оно хоть, сударь, пример из нашего простого, черного быта, а и во всяком звании случается, только в виде другом. Так вы и моей сказкой не брезгайте. Да и Емелю-горемыку простите; ему, сударь, выпить захотелось, только, уж видно, больно захотелось! А вы, сударь, павшим человеком не брезгайте; этого Христос, который нас всех больше себя возлюбил, не велел! Емеля-то мой, если б остался в живых, был бы не человек, а, примером сказать, плевое дело. А что вот умер с тоски да от совести, так всему свету доказал на себе, что каков он ни был, а он всё человек; что от порока-то человек умирает, как от яду смертного, и что порок, стало быть, наживное, человеческое дело, а не природное — оно было да сплыло; иначе и Христос бы к нам не пришел, если б нам порочными из века в век от первородного греха было суждено оставаться. Оно ведь никто как Бог, сударь...»⁹⁴.

В процитированном фрагменте («ндравоучении») изложены, возможно, самые содержательные для понимания всего рассказа духовные

94 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 550–551.

смыслы. Вероятно, это взгляды Ф. М. Достоевского на тайну человека, его ум и сердце, которые впоследствии получили более детальное раскрытие в его дальнейшем творчестве. Согласно вышесказанному, можно проследить, что

«[если] человек раз вошел в порок <...> так постыдное дело какое, хотя бы он прежде был и честный человек, для него уж возможным становится»⁹⁵.

В сочинениях святых отцов о формировании страсти в уме и сердце человека находим подобные рассуждения. Согласно свт. Феофану Затворнику,

«[в начале развития греховной страсти] между желанием и делом всегда стоит решимость на дело с обдумыванием, как его произвести»⁹⁶.

«[А далее уже] по навыку иногда все <...> действия совершаются мгновенно, и за желанием тотчас следует дело <...> В пожившем человеке всё почти делается по навыку. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и знаний <...> Как они повторяются часто, то естественно обращаются в навык, нрав, правило жизни и характер»⁹⁷.

На примере героев рассказа Ф. М. Достоевского «Честный вор» — Емели и кухарки Аграфены (не упоминаемой в эпилоге) — можно увидеть действие укоренившегося навыка, помысла, который чуть не мгновенно претворяется в дело, о чём великолепно пишут святые отцы.

Далее, при рассуждении о смерти Емели, в «ндравоучении» говорится, что он «умер с тоски да от совести, так всему свету доказал на себе, что каков он ни был, а он всё человек»⁹⁸. Показателем нравственного достоинства человека в данном контексте выступает состояние его сердца, в котором отчётливо слышен голос совести. Здесь, возможно, проявляется понимание Ф. М. Достоевским человека как благородного, честного, чувствующего существа, прежде всего именно как сердца (!). Также это не раз встречается в его эпистолярном наследии. «Ни одного

95 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 550.

96 *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Ленинград, 1991. С. 204.

97 Там же. С. 24.

98 См.: *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 551.

сердца, которое могло бы мне заменить тех обоих»⁹⁹, — сетует он 31 марта 1865 г. в письме своему другу А. Е. Врангелю, сообщая о смерти жены Марии Дмитриевны и брата Михаила. Обращаясь к Н. П. Сусловой 19 апреля 1865 г., Ф. М. Достоевский пишет:

«...не хочу потерять Вашего сердца¹⁰⁰ <...> Не потеряйте жизни, берегите душу, верьте в правду. Но *ищите* ее пристально¹⁰¹ всю жизнь, не то — ужасно легко сбиться. Но у Вас есть сердце, Вы не собьётесь»¹⁰².

По мнению писателя, чистое сердце может служить компасом, указывающим человеку правду, и оно же, возможно, и олицетворяет человека. Соответственно, отмечает профессор А. М. Буланов, и в творческом наследии Достоевского проявляется

«деление героев на “имеющих сердце” и “не имеющих” его (столь вообще характерное для русского романа)»¹⁰³.

Думается, в данном рассказе Емеля, как это ни удивительно, является таким человеком с сердцем. Даже Астафий Иванович, считающий его «пропащим совсем человеком»¹⁰⁴, «нахлебником»¹⁰⁵, «вором и мошенником»¹⁰⁶ и т. д., одновременно говорит, что он «не буян; характером смирен, такой ласковый, добрый, и не просит, всё совестится»¹⁰⁷. Также Емеля, по словам Астафия, «чувствительный»¹⁰⁸, а ближе к концу произведения даже «сердечный»¹⁰⁹ человек. Умирает Емеля не столько от смертельного заболевания, сколько из-за сердечной тоски:

«Осталось в нем сердца хоть на сколько-нибудь, так оно тотчас нить примется, кровью обливаться начнёт, раскаяние, как змея, его загрызет, и умрёт человек не от постыдного дела, а с тоски, и потому

99 Достоевский Ф. М. [253.] А. Е. Врангелю 31 марта — 14 апреля 1865. Петербург // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 116.

100 Ср. с характеристикой Н. П. Сусловой в письме Ф. М. Достоевского к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.: «...редкая личность, благородная, честная, высокая!»

101 Курсив Ф. М. Достоевского.

102 Достоевский Ф. М. [254.] Н. П. Сусловой 19 апреля 1865. Петербург // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 122, 123.

103 Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 275.

104 Достоевский Ф. М. Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 160.

105 Там же.

106 Там же. С. 166.

107 Там же. С. 160.

108 Там же. С. 164.

109 Там же. С. 168.

что всё свое самое лучшее, что берег помимо всего и во имя чего человеком ещё звался, за ничто загубил»¹¹⁰.

И дальше:

«... а что вот умер с тоски да от совести, так всему свету доказал на себе, что каков он ни был, а он всё человек; что от порока-то человек умирает, как от яду смертного»¹¹¹.

По мысли писателя, своей смертью, муками совести Емеля невольно свидетельствует, что, несмотря на совершённое по дурному навыку преступление (воровство), он сохранил часть сердца.

В «нравоучении» также отчётливо видно, что Ф. М. Достоевский понимает человеческую греховность как не присущую людям от природы:

«...порок, стало быть, наживное, человеческое дело, а не природное — оно было, да сплыло»¹¹².

Из этого можно понять, что Ф. М. Достоевский, видя даже «пропащего человека», не осуждает его, при всей его несовершенности и греховности не отказывается видеть в нём образ Божий. Здесь справедливо замечание профессора А. И. Осипова:

«[писатель,] имея довольно сложный, неуживчивый, по отзывам современников, характер, <...> в своих сочинениях подчёркивает красоту человеческой души. Эта любовь к человеку, хотя и падшему, и потерявшему своё изначальное богоподобное достоинство, но тем не менее сохранившему в сокровенных глубинах души отблеск вечной Божественной святости — главная тема его творчества. “А любил он прежде всего живую человеческую душу во всём и везде, и верил он, что мы все — род Божий, верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением”, — так говорил над могилой Достоевского 1 февраля 1881 г. В. С. Соловьёв»¹¹³.

И в нравоучительном финале показательны такие слова:

«А вы, сударь, павшим человеком не брезгайте; этого Христос, который нас всех больше себя возлюбил, не велел! Емеля-то мой если

110 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. 2014. Т. 2. С. 550.

111 Там же. С. 551.

112 Там же.

113 *Осипов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие. С. 41–42.

б остался в живых, был бы не человек, а, примером сказать, плёвое дело»¹¹⁴.

Также и в сочинениях святых отцов и церковных писателей этому положению придаётся особое значение:

«[Похоть] делает более желанным, чем Единственная и Единая, вожденная и бесстрастная Причина [всего сущего] <...> то, что ниже Ее, а потому плоть предпочитает Духу, наслаждение видимым делает приятнее славы и сияния мысленных благ и приятностью чувственных наслаждений удерживает ум от божественного»¹¹⁵.

«Следует <...> отметить, что коренящаяся в природе человека растленность произволения сама по себе, как способ существования личной воли, относится непосредственно не к природе, а к личности¹¹⁶. Это состояние личной воли является греховным потому, что человек с растленным произволением начинает предпочитать в своих желаниях тварь Творцу и плоть — Духу»¹¹⁷.

Получается, что именно воле самого человека принадлежит выбор: грех или добродетель. Однако, в силу последствий первородного греха, в человеке есть ещё страстность и удобопреклонность ко греху:

«Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7, 22–23).

По учению святых отцов (в глобальном смысле),

«человек пал по своей воле <...> [Вопрос] мог ли человек по своей воле спастись и таким образом восстановить своё первозданное состояние? Описание последствий грехопадения показывает, что они носят, так сказать, тотальный и необратимый характер. Человек не мог избавиться от тленности и смертности, поскольку они стали богоустановленным законом для человеческой природы. Тление и смерть превозмогали над каждым человеком уже по силе закона, и никто

114 Достоевский Ф. М. Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. 2014. Т. 2. С. 551.

115 *Maximus Confessor. Expositio orationis dominicae* L. 345–351 // CCSG. 23. P. 47. Рус. пер.: Максим Исповедник, *прп.* Толкование на Молитву Господню // Избранные творения преподобного Максима Исповедника / пер. А. Сидорова. Москва, 2004. С. 12.

116 Курсив Д. В. Новикова.

117 *Новиков Д. В.* Христианское учение о человеке // Человек. 2000. № 5. С. 29–30.

не мог этого закона избежать, поскольку он установлен Самим Богом. Потому только Сам Бог — Творец всего и установитель законов — мог воссоздать человека, преложив тленное в нетление^{118,119}.

Свт. Феофан Затворник пишет:

«Грехи наши Господь все вознес в теле Своем на древо, и там рукописание их раздрав»¹²⁰.

Возвращаясь к «ндравоучению», можно увидеть, что и Ф. М. Достоевский видит путь борьбы с грехом и его полное искоренение только в искупительном подвиге Спасителя мира, *кровь... [Которого] очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1, 7):

«Христос бы к нам не пришёл, если б нам порочными из века в век от первородного греха было суждено оставаться»¹²¹.

Наверное, здесь и далее

«одним из постоянных мотивов в творчестве Достоевского звучит его твёрдое убеждение, что Христос — высочайшая ценность в мире. Он выше всякой человеческой истины, которая всегда условна, относительна и временна. Без Христа любая истина не истинна»¹²².

Согласно убеждению самого Фёдора Михайловича,

«если б кто мне доказал, что Христос вне истины и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось остаться со Христом, нежели с истиной»¹²³.

В этом убеждении Ф. М. Достоевского раскрывается значение для писателя Личности Христа Спасителя, Домостроительство Его истинного спасения.

118 Athanasius. De incarnatione verbi 20, 1:3–4 // SC. 199. P. 336: «τὸ φθαρτὸν εἰς ἀφθαρσίαν μεταβαλεῖν». Рус. пер.: *Афанасий Великий, прп.* Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти [4], 20 // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. 1. [Сергиев Посад], ²1902. С. 216. [Приводится в современной орфографии.]

119 *Новиков Д. В.* Христианское учение о человеке. С. 43.

120 [Феофан Затворник, свт.] Душеполезные поучения святителя Феофана Затворника. [Козельск], 2013. С. 202.

121 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // ПСС. ²2014. Т. 2. С. 551.

122 *Осипов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие. С. 55.

123 *Достоевский Ф. М.* [90.] Н. Д. Фонвизиной. Конец января — 20-е числа февраля 1854. Омск // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

Изложенные в «нравоучении» взгляды Ф. М. Достоевского на спасение через Христа находят отражение в его дальнейшем творчестве, письмах, дневниках. В этой связи представляется уместным процитировать запись, сделанную Фёдором Михайловичем гораздо позднее, уже после каторги. В записной книжке 1863–1864 гг. в скорбный день кончины его первой супруги Марии Дмитриевны, 16 апреля, можно прочесть такие рассуждения:

«Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек <...> Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели. <...> человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное <...> Итак, всё зависит от того, принимается ли Христос за окончательный идеал на земле, то есть от веры христианской. Коли веришь во Христа, то веришь, что жить будешь во веки. <...> Итак, человек стремится на земле к идеалу *противуположному*¹²⁴ его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил *любовью*¹²⁵ своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание, и назвал это состояние грехом»¹²⁶.

Из приведённого фрагмента видно, что Фёдор Михайлович в своих рассуждениях исходит именно из православного восточного понимания сотериологии.

Однако в литературоведении есть и другие интерпретации данного «нравоучения». Так, историк литературы, профессор русской словесности Монреальского университета Р. В. Плетнёв в статье «Достоевский и Евангелие» отмечал, что возможна несколько иная трактовка этих слов:

«Когда мы читаем слова Астафия Ивановича: “А вы, сударь, павшим человеком не брезгайте; этого Христос, который нас всех больше себя возлюбил, — не велел!..” Мы сразу же настораживаемся. Уже Анненков, как тонкий критик, отметил, что здесь из-за плеча служивого виднеется автор. Достоевский свою речь, резонёрство своё, только подгоняет под известный шаблон. И здесь с трудом можно искать евангельскую традицию. Это скорее гуманистическо-западная традиция, Жорж Занд и К-о, только вложенная в уста русского и облекшаяся потому в форму почти катехизисную»¹²⁷.

124 Курсив Ф. М. Достоевского.

125 Курсив Ф. М. Достоевского.

126 *Достоевский Ф. М.* Записная книжка 1863–1864 гг. // ПСС. 1980. Т. 20. С. 172–175.

127 *Плетнев Р. В.* Достоевский и Евангелие // Русские эмигранты о Достоевском. Санкт-Петербург, 1994. С. 163.

К данному суждению Р. В. Плетнёв в своём дискурсе уже не возвращается и не комментирует его при дальнейшем размышлении о творчестве Ф. М. Достоевского, из чего не совсем ясна логика рассуждения. Скорее всего, он увидел здесь не проповедь (или символ выражения) православной веры писателя, а некое учительство или, как его тогда называли, просветительство (которое пришло как раз из Франции XVIII в.). Иными словами, Р. В. Плетнёв исходил в толковании не из смысла авторского текста, а судил только по форме высказывания: «ндравочение» означает «учительство», «просветительство», вероятно, поэтому он и пришёл к таким выводам.

Также стоит отметить, что указанное мнение Р. В. Плетнёва не находит поддержки у современных исследователей. Так, в работе С. Капилупи «Концепция первородного греха на западе и востоке»¹²⁸ можно прочитать следующее:

«Р. В. Плетнев в своей статье “Достоевский и Евангелие” процитирует эти слова и комментирует их следующим образом: “...это скорее гуманистическо-западная традиция”¹²⁹. Плетнев рассуждает здесь так же, как В. В. Зеньковский в статье “Проблема красоты в мирозерцании Достоевского”¹³⁰. Оба исследователя говорят об оптимизме Маркела, отца Зосимы и Алёши в отношении человеческой природы, видя в этом проявление еретического христианского натурализма Достоевского. Мы не согласны с этим, потому что данные исследователи совершенно пренебрегают восточным богословским понятием обожения природы и восточным различием образа и подобия в человеке»¹³¹.

Заключение

Подводя итог, надо сказать, что автор показывает, какую трагическую роль сыграло мысленное и чувственное пребывание зла в сердце человека, а также его словесное проявление по отношению к другому, то есть ближнему: оно буквально его уничтожило. А виной всему, по мысли Достоевского, стало именно то, что герой дал злу овладеть

128 Капилупи С. Концепция первородного греха на Западе и Востоке // Вестник РХГА. 2011. № 2 (12). С. 150–159.

129 Плетнев Р. В. Достоевский и Евангелие. С. 163.

130 Зеньковский В. В. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. Санкт-Петербург, 1994. С. 222–236.

131 Капилупи С. Концепция первородного греха на Западе и Востоке. С. 150–159.

своим сердцем: «зло меня такое взяло»¹³². Такое злое состояние сердца (в данном случае гневное), согласно православной аскетике, именуется болезненным, страстным, оно приносит зло и самому человеку, и его окружению:

«Раздражение же есть отомстительное восстание на опечалившего, которое обращается в дерзость, как сказал блаженный авва Марк: “Злоба, питаемая помышлениями, раздражает сердце, убиваемая же молитвою и надеждою сокрушает его”»¹³³.

Как мы видим, уже в 1848 г. Ф. М. Достоевский мыслит весьма святоотечески, в его художественных текстах уже звучит тема добра и зла в уме и сердце человека, понятие первородного греха, объяснение смысла Боговоплощения Христа Спасителя.

Эти идеи Ф. М. Достоевского, выраженные в «ндравоучении» Астафия Ивановича, проявились затем в романе «Преступление и наказание» (где главный герой Родион Раскольников грешит против совести и сердца). Затем в «Братьях Карамазовых» (в размышлениях о Христе и Боге). Сама личность Христа Спасителя, пришедшего спасти род человеческий, была для него, как для православного христианина, центральной:

«На свете есть одно только положительное лицо — Христос»¹³⁴.

Как пишет прп. Иустин (Попович),

«для Достоевского, который пережил крах всех человеческих мерил, чудесный Лик Христов — единственное непогрешимое мерило всего видимого и невидимого»¹³⁵.

В романе «Идиот» предпринята попытка воплотить этот идеал в образе главного героя — князя Льва Николаевича Мышкина. Естественно, что божественность Христа невозможно изобразить, ведь она неизмеримо превышает все человеческие таланты, возможности и его природу, но и сам Ф. М. Достоевский это подтверждает в письме к С. А. Ивановой:

132 *Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // ПСС. 2014. Т. 2. С. 163.

133 *Dorotheus Gazaus. Doctrinae diversae* 90:11–15 // SC. 92. P. 308. Рус. пер.: *Дорофей Газский, прп.* Поучение 8. О злопамятности // *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Москва, 2015. С. 134.

134 *Достоевский Ф. М.* [332.] С. И. Ивановой (1) 13 января 1868. Женева // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 251.

135 *Иустин (Попович), прп.* Достоевский о Европе и славянстве / пер. с серб. Л. Н. Даниленко. Санкт-Петербург, 1998. С. 129.

«Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь»¹³⁶.

Говоря же о мотивах, побудивших Фёдора Михайловича начать работу, писатель признаётся:

«идея романа — старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее, и если взялся теперь, то решительно потому, что был в положении чуть не отчаянном»¹³⁷.

Примечательно, что многие значимые, в чём-то даже основополагающие положения Ф. М. Достоевского уже были выражены в первой редакции рассказа «Честный вор» в краткой форме завершающего «нравоучения» Астафия Ивановича. Можно предположить, что, вероятно, именно поэтому Достоевский и удалил его из редакции 1860 г. (когда готовил к изданию собрание своих сочинений), предполагая раскрыть основные идеи в дальнейшем творчестве, но уже не в назидательной, а в художественной форме, что и было реализовано в романах «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и других. Таким образом, можно предположить, что «нравоучение» Астафия Ивановича уже содержит основу дальнейшей литературной программы Достоевского, его символ веры, кредо, которые он потом художественно реализовывал всю жизнь.

В «Преступлении и наказании» глубина тайны спасения человека Христом раскрывается через решение проблемы духовного воскрешения человека (но только подобно Родиону Раскольникову, имеющего веру в Бога и воскрешение Лазаря), а в «Братьях Карамазовых» — через глобальное предостережение всему человечеству о самом страшном зле — потере веры в Бога. Известно, что великий писатель самым большим злом, и даже глубже — причиной всего зла, в мире считал безверие. Так, в письме А. Ф. Благодравову от 19 декабря 1880 г. Ф. М. Достоевский пишет:

«Благодарю Вас за письмо Ваше. Вы верно заключаете, что причину зла я вижу в безверии»¹³⁸.

В последнем романе писателя «Братья Карамазовы» как раз изображается эта трагедия человека, потерявшего веру: он начинает думать,

136 *Достоевский Ф. М.* [332.] С. И. Ивановой (1) 13 января 1868. Женева. С. 251.

137 Там же. С. 251.

138 *Достоевский Ф. М.* [915.] А. Ф. Благодравову 19 декабря 1880. Петербург // ПСС. 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 236.

что ему «всё позволено»¹³⁹. Выражает это Иван Карамазов, по мысли прп. Иустина (Поповича):

«Если нет Бога и нет бессмертия, тогда нет ни добра, ни зла <...> Если будет уничтожена в человечестве вера в Бога и бессмертие души, то человек окажется по другую сторону добра и зла и для него ничто не будет аморально»¹⁴⁰.

В творческом наследии Ф. М. Достоевского находим осмысление множества самых разных духовных проблем и экзистенциальных коллизий. В своих произведениях Фёдор Михайлович поднимает и пытается решить не только социальные, философские и психологические вопросы своего времени, но и вечные духовные вопросы бытия человека, именно поэтому его творчество имеет непреходящее значение. Так, подлежащее и сказуемое

«в вертикали понимания им [Достоевским. — П. М.] глубин души человеческой, в которой живут Бог и дьявол, из которой проистекают добро и зло и которая спасается или гибнет. Именно здесь находится источник необыкновенного богатогоклада духовных ценностей, оставленных русским гением своим потомкам, всему человечеству»¹⁴¹.

Конечно же, тема борьбы добра и зла в уме и сердце человека в литературном творчестве великого писателя является весьма значимой. Здесь стоит вспомнить мнение авторитетного профессора А. М. Буланова:

«"Тайна человека", которую писатель разгадывал всю жизнь, заключала в себе и тайну соотношения "ума" и "сердца"»¹⁴².

Фёдор Михайлович в известном (можно сказать, знаменитом) письме брату Михаилу, говоря об этой тайне, отмечал, что

«Её надо разгадать, ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»¹⁴³.

139 *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы II, 7 // ПСС. 1976. Т. 14. С. 76:17–19: «А слышал давеча его глупую теорию: "Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, всё позволено"».

140 *Иустин (Попович), прп.* Достоевский о Европе и славянстве. С. 69.

141 *Осипов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие. С. 37.

142 *Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 270.

143 *Достоевский Ф. М.* [26.] М. М. Достоевскому 16 августа 1839. Петербург // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 63.

Думается, великий писатель вполне подтвердил эти слова (написанные им в 1839 г. в восемнадцать лет) примером своей жизни и творчества, наполненного поиском «*высшей Правды*¹⁴⁴»¹⁴⁵.

Изучение данной темы остаётся перспективным и представляет собой не только чисто филологический или теологический интерес, например, в области исследования взаимовлияний православия и отечественной культуры (в данном случае — русской литературы), но и особый интерес для каждого православного христианина (особенно пастыря Церкви), ведущего постоянную мысленную брань в уме и сердце на протяжении всей жизни.

Источники

Athanasius. De incarnatione verbi // Athanase d'Alexandrie. Sur l'incarnation du verbe / éd. C. Kannengiesser. Paris: Éditions du Cerf, 1973. (SC; vol. 199). P. 258–468.

Dorotheus Gazaesus. Doctrinae diversae // Dorothee de Gaza. Oeuvres spirituelles / éd. L. Regnault, J. de Préville. Paris: Éditions du Cerf, 1963. (SC; vol. 92). P. 146–486.

Dorotheus Gazaesus. Sententiae // Dorothee de Gaza. Oeuvres spirituelles / éd. L. Regnault, J. de Préville. Paris: Éditions du Cerf, 1963. (SC; vol. 92). P. 526–530.

Maximus Confessor. Expositio orationis dominicae // Maximi confessoris opuscula exegetica duo / ed. P. van Deun. Turnhout; Leuven: Brepols; University Press, 1991. (CCSG; vol. 23). P. 27–73.

Ps.-Macarius. Opusculum 1 (= De custodia cordis) // PG. T. 34. Col. 821–841.

Афанасий Великий, прп. Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. 1. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, собственная тип., ²1902. С. 191–263.

Дорофей Газский, прп. Поучение 8. О злопамятности // *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Москва: Духовное преображение, 2015. (Серия «Духовный кормчий»). С. 132–140.

Дорофей Газский, прп. Поучение 19. Различные краткие изречения // *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Москва: Духовное преображение, 2015. (Серия «Духовный кормчий»). С. 239–240.

Достоевский Ф. М. [22.] М. М. Достоевскому 31 октября 1838. Петербург // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. Ленинград: Наука, 1985. С. 53–55.

144 Курсив и заглавное выделение А. И. Осипова.

145 *Осипов А. И.* Искатель высшей правды. Ф. М. Достоевский и Православие. С. 38.

- Достоевский Ф. М.* [26.] М. М. Достоевскому 16 августа 1839. Петербург // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. Ленинград: Наука, 1985. С. 61–63.
- Достоевский Ф. М.* Честный вор [рассказ] // Отечественные записки. 1848. Апрель. № 4. Т. 57. Отд. I. С. 286–306.
- Достоевский Ф. М.* Честный вор. (Из записок неизвестного) // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: [в 35 т.]. Т. 2: Повести и рассказы 1847–1859. Санкт-Петербург: Наука, 2014. С. 157–170.
- Достоевский Ф. М.* Честный вор. Варианты прижизненных изданий // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: [в 35 т.]. Т. 2: Повести и рассказы 1847–1859. Санкт-Петербург: Наука, 2014. С. 533–551.
- Достоевский Ф. М.* [90.] Н. Д. Фонвизиной. Конец января — 20-е числа февраля 1854. Омск // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. Ленинград: Наука, 1985. С. 175–177.
- Достоевский Ф. М.* [155.] М. М. Достоевскому 1 октября 1859. Тверь // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. Ленинград: Наука, 1985. С. 339–341.
- Достоевский Ф. М.* Записная книжка 1863–1864 гг. // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 20. Ленинград: Наука, 1980. С. 170–179.
- Достоевский Ф. М.* [253.] А. Е. Врангелю 31 марта — 14 апреля 1865. Петербург // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 2: Письма 1860–1868. Ленинград: Наука, 1985. С. 115–121.
- Достоевский Ф. М.* [254.] Н. П. Сусловой 19 апреля 1865. Петербург // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 2: Письма 1860–1868. Ленинград: Наука, 1985. С. 121–123.
- Достоевский Ф. М.* [332.] С. И. Ивановой (1) 13 января 1868. Женева // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 28. Кн. 2: Письма 1860–1868. Ленинград: Наука, 1985. С. 249–253.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 г. // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 21. Ленинград: Наука, 1980. С. 5–136.
- Достоевский Ф. М.* [915.] А. Ф. Благоднравову 19 декабря 1880. Петербург // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 30. Кн. 1: Письма 1878–1891. Ленинград: Наука, 1988. С. 236–237.
- Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Ленинград: Наука, 1976. Т. 14. С. 5–508; Т. 15. С. 5–197.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем в 35 томах. Санкт-Петербург: Наука, 2013–.
- Исаак Сириин, прп.* Слово 4. О душе, о страстях и о чистоте ума, в вопросах и ответах // *Исаак Сириин, прп.* Слова подвижнические. Сергиев Посад: СТСЛ, 2008. (Сокровищница святоотеческой письменности). С. 40–47.

- Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. мон. Магдалины (В. А. Решиковой). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012.
- Макарий Великий, прп.* Семь слов // *Макарий Великий, прп.* Духовные беседы, послания и слова. Москва: Изд. Сретенского монастыря, 2004. С. 289–385.
- Максим Исповедник, прп.* Толкование на Молитву Господню // Избранные творения преподобного Максима Исповедника / пер. А. И. Сидорова. Москва: Паломникъ, 2004. С. 251–273.
- Сергиев И., прав.* Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. В. Ерофеева, 1892.
- Феофан, еп.* Начертание христианского нравоучения. Москва: Типо-лит. И. Ефимова, 21895.
- Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Ленинград: Ред.-изд. об-ние «Санкт-Петербург», 1991.
- Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению: краткий очерк аскетики: начертание христианского нравоучения. Москва: Правило веры, 2008.
- [*Феофан Затворник, свт.*] Душеполезные поучения святителя Феофана Затворника. [Козельск]: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2013.

Литература

- Анненков П. В.* Заметки о русской литературе 1848 года // Современник: литературный, общественный и политический журнал, изданный Н. А. Некрасовым. Санкт-Петербург, 1849. № 1. Т. 13. С. 1–23.
- Белый К., свящ.* «Попасть в Сретенку» и другие рассказы. Москва: Изд. Сретенского монастыря, 2021.
- Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 270–306.
- Гуардини Р.* Человек и вера. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994.
- Иустин (Попович), прп.* Достоевский о Европе и славянстве / пер. с серб. Л. Н. Даниленко. Санкт-Петербург: Адмиралтейство, 1998.
- Зеньковский В. В.* Проблема красоты в мирозерцании Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1994. С. 222–236.
- Карташова И. В., Семенов Л. Е.* Романтизм и христианство // Русская литература XIX века и христианство / ред. В. И. Кулешова. Москва: Изд. Моск. ун-та, 1997. С. 103–111.
- Качалина Н. А.* Притчевая структура рассказа «Честный вор» Ф. М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2019 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 248–251.